

Iš klasikinės filologijos istorijos

ALEKSANDRAS ZAICEVAS (1926–2000)

Šiomet sukako 80 metų, kai gimė Aleksandras Zaicevas – vienas iš kiliausių XX a. pabaigos Rusijos klasikinės filologijos atstovų, daugybės mokslinių darbų autorius, Peterburgo universiteto profesorius, puikus pedagogas, išugdęs nemaža

Antikos specialistų ne tik Rusijoje, bet ir užsienyje.

A. Zaicevo tėvas buvo kilęs iš Vilniaus gubernijos, Lydos apskrities. Būsimasis mokslininkas gimė Peterburge (tuometiniame Petrograde). Gyvenime jam teko patirti stalininio režimo represijas. 1937 m. jo tėvas buvo paskelbtas „liaudies priešu“ ir sušaudytas, motina suimta ir aštuonerius metus kalinta lageryje. Netekusį tėvų vaiką globojo močiutė. Per Leningrado blokadą ji mirė iš bado. Ištrūkęs iš apsiausto miesto, sunkiai sergantis A. Zaicevas su teta apsigyveno Ufoje. Ten mokydamasis mokykloje pradėjo domėtis antikinėmis kalbomis. Po karo įstojo į Leningrado universitetą studijuoti klasikinės filologijos. Atviro ir tiesaus būdo A. Zaicevas neslėpdavo savo mokslinių simpa-

tijų (tais laikais net teigiamas filosofo Kanto vertinimas buvo laikomas antitarybiniu pasisakymu) bei kritiško požiūrio į tarybinę santvarką. 1947 m. už politines pažiūras jis buvo suimtas, teistas, pripažintas psichiniu ligoniu ir uždarytas į Kazanės kalėjimo psichiatrinę ligoninę, kurioje iškalėjo septynerius metus. Mirus Stalinui, 1954 m. išėjo į laisvę. Buvusių profesorių rūpesčiu tęsė studijas Leningrado universitete, baigė aspirantūrą. 1959 m. priimtas į šio universiteto Klasikinės filologijos katedrą, kurioje dirbo 40 metų – iki pat mirties.

A. Zaicevas dėstė graikų ir lotynų kalbas, skaitė graikų ir romėnų autorius, antikinės literatūros istoriją, graikų kalbos istorinę gramatiką, klasikinės filologijos įvadą, kursus „Graikų metrika“, „Antikinė mitologija“, „Antikinė religija“, „Antikos kultūra“, parašė daugybę straipsnių, studijų, vadovavo šimtams kursinių ir diplominių darbų, penkiolikai aspirantų, parengusių mokslo kandidatų disertacijas (tarp jų ir šio straipsnio autorei). Daug metų gyvavo jo vedamas šeštadieninis seminaras, skirtas Platono kūrinių skaitymui ir komentavimui. Nuo 1991 m. kasmet būdavo kviečiamas į Maskvą skaityti paskaitų J. Šičalino įsteigtame „Graikų-lotynų kabinete“. Labai populiarios buvo A. Zaicevo konsultacijos, kurioms jis skirdavo kiekvieno trečiadienio popietę. Tuomet eilėje prie katedros išsirikiuodavo studentai, aspirantai, dėstytojai, mokslo darbuotojai, norintys pa-

sitarti ir išgirsti didžiojo antiklos žinovo nuomonę. Visiems jis būdavo dėmesingas, visada jam užtekdavo laiko ir kantrybės išklausti ir patarti. Tai buvo kuklus ir jautrus, nepraktiškas žmogus. Sunkios buvo jo šeimos gyvenimo sąlygos, tačiau kasdienio gyvenimo rūpesčiai nedomino šio mokslui atsidavusio erudito. Dėl duonos kashnio jis niekada neišsižadėjo savo įsitikinimų. Tai buvo principingas mokslininkas, atkakliai gynęs savo idėjas bei principus. Jį vertino vyresnieji kolegos, o ypač mylėjo studentai bei aspirantai. Dauguma jų laiko save jo mokiniais, todėl būtų galima kalbėti apie Peterburge susiformavusią Zaicevo klasikinės filologijos mokyklą.

Ilgus dešimtmečius mokslininkas buvo persekiojamas už savo antitarybinius įsitikinimus. Jis buvo laikomas politiškai nepatikimu (reabilituotas 1991 m.), todėl nenorėta jį gražinti į universitetą, priimti į doktorantūrą ir katedrą, jo mokslinę veiklą nepalankiai vertino valdžios struktūros, jam buvo kliudoma rašyti, spausdinti ir ginti mokslinius darbus. Tik 1969 m. A. Zaicevui galų gale pavyko apginti disertaciją mokslo kandidato laipsniui gauti „Alkmano „Himnas Dioskūrams“ ir jo epiniai šaltiniai“, o 1987 m. – habilituoto daktaro disertaciją „Senovės Graikijos kultūros perversmas VIII–V a. pr. Kr.“ Pūstelėjus pertvarkos vėjams, A. Zaicevas pagaliau buvo išrinktas Peterburgo universiteto profesoriumi (1990), Peterburgo Aristotelio draugijos pirmininku, Peterburgo kultūros fondo valdybos nariu, Delfų draugijos nariu, Šlimano draugijos nariu Ankershagene ir t. t. 1994 m. pasirodė jo knyga „Senovės Graikijos hegzametro formavimasis“.

Paskutiniuosius penkerius savo gyvenimo metus profesorius dirbo kovodamas su sunkia liga, lankėsi užsienyje, susitiko su kitų šalių kolegomis. Jų pakviestas, skaitė paskaitas Austrijoje, Vokietijoje, Šveicarijoje, Olandijoje, Kandoje, Suomijoje, Bulgarijoje. Graikijoje, kurios kultūros tyrinėjimui paskyrė visą gyvenimą, jam taip ir neteko pabūti. Pakviestas Delfų draugijos skaityti paskaitų, jis labai džiaugėsi ir prieš pat mirtį man rašė: „Manęs laukia stebuklas: galbūt aš pirmąkart nuvyksiu į Graikiją...“ Deja, šiam „stebuklui“ nebuvo lemta įvykti. Kaip nebuvo lemta profesoriui dar kartą atvykti į Lietuvą. Pirmąkart savo tėvo žemėje jis lankėsi 1954 m., tik ištrūkęs iš kalėjimo ligininės. Tuomet rūsčiais stalinizmo metais A. Zaicevas slapta atvažiavo į Lietuvą priimti katalikų tikėjimą ir pasikrikštyti. Antrą kartą į mūsų šalį jis atvyko 1982 m., kai Vilniuje buvo surengta sąjunginė konferencija, skirta antikinių kalbų dėstymo metodikai. Vilniuje jis žavėjosi Senamiesčiu, universitetu, lankėsi Kaune, Trakuose. Vėliau aktyviai rėmė Lietuvos siekį atgauti nepriklausomybę, dalyvaudavo Lietuvą palaikančiuose mitinguose, domėjosi Lietuvos klasikinės filologijos raida, perspektyvomis, lietuvių kolegų darbais. Paskutiniame man adresuotame laiške, parašytame mėnuo prieš mirtį, A. Zaicevas rašė: „Klasikinių studijų tradicijų išsaugojimas ir jų tolesnė raida yra gyvybiškai svarbūs dalykai kiekvienai civilizacijai, tarp jų ir lietuvių tautai... Tai Jūsų šventa pareiga.“ Manau, kad šie mano Mokytojo žodžiai skirti visiems Lietuvos klasikinės filologijos specialistams.

Audronė Kudulytė-Kairienė

А. И. ЗАЙЦЕВ

ГОМЕР И ИЛИОН*

Раскопки Блиджена показали, что Троя VII В погибла от пожара около 1100 г. до н. э., а холм, на котором она находилась, пребывал в запустении и был покрыт руинами примерно до 700 г., когда на этом месте греками был создан новый город.

Представление о том, что создание «Илиады» должно было быть как-то обусловлено наличием нового поселения на месте древней Трои, было одно из побудительных причин, заставивших Э. Бете дать свою очень позднюю датировку всего гомеровского эпоса¹. Позднее, в 1951 г., Ф. Фоке пытался прямо поставить в зависимость создание «Илиады» от возникновения Нового Илиона, так что получалась бы дата вскоре после 700 г.² Однако столь поздняя дата является совершенно неприемлемой и по разным другим соображениям, так что на этот счет имеется уже согласие подавляющего большинства исследователей; в частности, нужно считаться и с тем, что надпись на т. н. «Кубка Нестора» из Питекус, сделанная в середине VIII в. до н. э., уже опирается на созданную, следовательно, к тому времени «Илиаду»³.

---

* Доклад, прочитанный в 1985 г. на научной конференции, организованной историческим факультетом ЛГУ совместно с Эрмитажем. Текст печатается по рукописи из архива автора.

¹ E. Bette. Homer. Dichtung und Sage. Bd. II. Leipzig², 1929, 310 ff.

² F. Focke. Ilias und Odyssee im Rahmen Alteuropas // Saeculum 2 (1951) 575–594.

³ Основанию этого положения А. И. Зайцев посвятил впоследствии отдельную работу; см.:

Таким образом, «Илиада», опиравшаяся на давнюю эпическую традицию о Троянской войне, была создана тогда, когда на месте Трои оставались одни развалины.

Когда мы ставим вопрос о том, какие исторические и географические детали, касающиеся Трои, отразились в «Илиаде», мы должны считаться с принципами эпической поэтики, весьма для таких деталей неблагоприятными. Изучение германского и индийского, русского былинного и романского эпосов показывает, что для эпоса нормальным является безразличие к исторической и географической точности. Эпос стремится к стиранию реальных конкретных деталей пытаясь таким образом приподнять, возвеличить изображаемые события⁴. Если мы в эпическом повествовании обнаруживаем хотя бы какие-то географически точные детали, мы вправе считать, что они появились в эпическом произведении незадолго до того, как его текст принял тот вид, в котором памятник дошел до нас. Если в песнях, скажем, XII в. до н. э. были какие-то топографические подробности, касавшиеся Трои и Троянской равнины,

---

А. И. Зайцев. Лексико-стилистические особенности надписи на «Кубке Нестора» из Питекус // Язык и стиль памятников античной литературы: Межвуз, сб. Л. 1987, 59–65 (= А. И. Зайцев. Избранные статьи / Под ред. Н. А. Алмазовой, Л. Я. Жмудя. СПб. 2009, 197–202).

⁴ Подробнее об этом см.: А. И. Зайцев. Поэмы Гомера как исторический источник (1975) // А. И. Зайцев. Избранные статьи, 175–190.

шансы на то, что они могли сохраниться, не утратив определенности, в нашей «Илиаде», ничтожны («Каталог кораблей», сохраняющий следы микенской географии, должен был, очевидно, опираться на устную традицию другого жанра).

Любые искажения и утраты мы должны считать нормальными, но всякое неслучайное совпадение с реальностью должно быть объяснено той или иной формой знакомства с нею поэта или поэтов, стоявших ближе к завершению процесса создания поэмы. Сопоставление с эпосом других народов показывает, что реальные подробности чаще сохраняются в эпосе там, где они не затрагивают основной линии действия и не имеют первостепенного художественного значения; напротив, там, где эти подробности мешают проведению в жизнь эпической поэтики, они безжалостно игнорируются.

Так, ахейский лагерь мы должны представить себе, очевидно, на Эгейском побережье на запад от холма Гиссарлык, где находилась Троя. Дорогу к морю на запад от Гиссарлыка преграждает река Кючюк Мендерес. Несколько лет назад Троянская равнина была изучена геологами на предмет реконструкции истории ее рельефа за последние десять тысяч лет⁵.

⁵ J. C. Kraft, I. Kayan, O. Erol. Reconstructions of Ancient Landscapes at Troy (Hissarlik) in the Troad: The past 10.000 years // American Journal of Archeology 84 (1980) 218 (речь идет о кратком изложении доклада названных авторов на 81-м общем собрании Американского археологического института; полный текст их работы опубликован в двух вариантах: J. C. Kraft, I. Kayan, O. Erol. Geomorphic Reconstructions in the Environs of Ancient Troy // Science 209 [1980] 776–782; *Eidem.* Geology and Paleographic Reconstructions of the vicinity of Troy // Troy. Suppl. Monograph 4: The Archeological Geology / Ed. G. Rapp, jr. And J. A. Gifford. Princeton, 1982, 11–41.

Все эти годы река протекала на западе от Трои, и в среднем ее течении, которое нас сейчас интересует, ничего не изменилось. Казалось бы, она должна оказывать влияние на ход сражений, развертывающихся под Троей – но ничего подобного мы не замечаем. Река (Гомер называет ее Ксанфом или Скамандром) выступает на первый план < лишь > в эффектной эпизодической сцене, где описывается избиение троянцев Ахиллом на берегах реки и в самой реке. В стг. 1–2 упоминается брод через эту реку, который впервые назван в «Илиаде» в XIV, 433–434, а затем еще в XXIV, 692–693; все три раза это повторяющееся двуступенчатое, которое Гнедич переводит так (XXI, 1–20):

Но лишь трояне достигли брода реки
светлоструйной,
Ксанфом сребриstopучинного, вечным
рожденного Зевсом...

И вот как раз в этом самом месте, где река получает наибольшее значение, мы сталкиваемся с вопиющим противоречием с реальной географией: по Гомеру, получается так, что троянцы могут бежать в Трою, минуя реку и ее брод, равно как и ахейцы, когда Ахилл не участвовал в битве, бежали тем же путем в обратном направлении мимо реки и ее брода. Реально это немыслимо. В XIV, 433 слл. говорится о бросе через реку, но не говорится, что через нее переправляются. Совершенно такая же картина в XXIV, 692 слл.

Получается именно так, как должно быть в эпосе. Река есть, потому что она есть на самом деле, но она игнорируется при описании военных действий (кроме XXI песни), потому что переправы и занятие линий обороны вдоль реки противоречат той манере, в которой эпос

о двух или более различных воротах: для всех эпизодов, кроме II песни, достаточно двух ворот, и их поэт называет чаще Скейскими и реже – Дарданийскими. Ничего для истории <отсюда > извлечь нельзя.

Наряду с господством поэтического вымысла в рассказе о Трое, рядом с отступающими на задний план следами личного знакомства с местностью, мы имеем и следы традиции о Трое микенской эпохи.

Раскопки показали, что Троя и Трояда были в эту эпоху ранним центром коневодства, и если именно Троя у Гомера εὔπωλος, и именно троянцы ἰππόδαμοι, это не может быть случайностью – это отражение давней реальности в эпической традиции. Разумеется, чуть ли не все ахейские герои едут в сражение на колесницах, у них отличные и даже божественные кони, ибо так приличествует эпическим героям – но эпитеты Трои и троянцев, оставаясь на периферии картины, отражают древнюю реальность.

Против возможности посещения автором Троянской равнины в VIII в. до н. э. (или еще раньше) многократно выдвигались возражения такого типа: греки появились в этом районе только около 700 г. до н. э.; что мог делать на развалинах автор «Илиады», скажем, за сто лет до этого?

На это мы можем ответить: не следует представлять себе население Эгейды IX–VIII вв. слишком прочно привязанным к дому⁷. Для XIII в. до н. э. у нас более

⁷ Подбор свидетельств, иллюстрирующих высокую степень «горизонтальной мобильности» в греческом мире уже с микенской эпохи, см.: А. И. Зайцев. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. СПб², 2001, 67–77. Здесь же античная традиция о странствиях Гомера характеризуется как «видимо, сохранившая какое-то историческое ядро» (с. 70).

чем достаточно данных, подтверждающих довольно широкий обмен людьми между государствами и племенными общинами. Договоры хеттских царей с их вассалами постоянно затрагивают статус беглецов и переселенцев: появление таких людей, очевидно, было нормальным явлением. В табличках линейного письма В фигурирует много явных пришельцев. В пилосских текстах упоминается Αἰθίοψ (ai-ti-jo-qo): либо это натуральный африканец, либо негров достаточно хорошо знали, так что могли дать кому-то прозвище «эфиоп».

Для IX–VIII вв. у нас меньше источников: практически нет соответствующих текстов из Малой Азии. Но посмотрим на гомеровские поэмы: в них фигурируют финикийцы – мореходы, торговцы и грабители. Они плавают повсеместно и могут появиться в любом пункте побережья; им никто не мешает, несмотря на их разбойничьи выходки. Сравним эту картину, подвергать которую сомнению мы не имеем права, с археологическими данными: археологические следы деятельности финикийцев в Восточном Средиземноморье ничтожны (если взять за скобки Кипр). Поэтому нелепо считать, что и греки могли появиться только там, где имелись их прочные поселения, которые можно установить археологически.

Для микенской эпохи известны постоянные пункты общения греков с восточными народами: Милет, Кипр, Аль Мина, Тель Сукас. Можно не сомневаться, что в действительности греки посещали гораздо более широкий круг местностей. Это справедливо и для эпохи накануне великой колонизации, когда творил Гомер. Если совершались уже плавания

в Черное море, давшие толчок поэме об аргонавтах (она упоминается в «Одиссее»), то стоит ли удивляться, если греки побывали по пути и на побережье у пролива Дарданеллы?

Геродот говорит о Солоне [I, 30], что он путешествовал *θεωρίης εἶνεκεν* – «ради того, чтобы посмотреть». Я не вижу ничего невозможного в том, что и гениальный автор «Илиады» (он, конечно, не был слепорожденным)⁸ мог руководствоваться такими побуждениями за 200 лет до Солона. Это, конечно, только возможности, но то, что Гомер имел представление о Троянской равнине и ее реках, является бесспорным фактом.

Теперь встает последний вопрос: ряд исследователей, в том числе Бете, указывали на некоторые черты сходства поселения, созданного эолийцами на месте Трои ок. 700 г. до н. э., с Троей, как она описана у Гомера, – и объясняли эти черты сходства тем, что автор «Илиады» (тот, в чьих руках она приобрела окончательный вид) жил после возрождения Трои и проецирует на Приамову Троию реалии современного ему греческого города.

Я думаю, что серьезного внимания из таких сопоставлений заслуживают два. Во-первых, город в V (а очевидно, и в VII) в. до н. э. именовался Илионом⁹.

⁸ Возможные причины возникновения античной традиции о слепоте Гомера обсуждаются А. И. Зайцевым в статье «Древнегреческий героический эпос и „Илиада“ Гомера»; см: *Гомер. Илиада* / Пер. Н. И. Гнедича. Изд. подгот. А. И. Зайцев. Ленинград, 1990, 399–400 (= *А. И. Зайцев. Избранные статьи*, 230).

⁹ *IG I³*, 71, col. III, 132; *C. W. Blegen. The Principal Homeric Sites: (1) Troy // A Companion to Homer* / Ed. by A. J. B. Wace, F. H. Stubbings. London, 1962, 381.

Вторая существенная деталь: главным храмом в Илионе был храм Афины (Strab. XIII, 1, 26 = С 593)¹⁰, в то время как Гомер, упоминающий в Трое всего два храма: Аполлона и Афины, – говорит об этом последнем гораздо подробнее (V, 446 sqq.), описывая статую Афины и процессию к ней троянских женщин.

Как объяснить эти совпадения, если «Илиада» была совершена до возникновения нового поселения на развалинах Трои? Отвечаю тем, что основавшие город греки опирались на авторитет недавно созданной, но уже популярной «Илиады» – это единственно правдоподобное объяснение¹¹. Мы знаем, что даже в континентальной Греции возникали вторично героические культы, адресованные героям гомеровского эпоса. К счастью, у нас есть и прямые свидетельства того, как жители возрожденного Илиона сознательно использовали эпическую традицию: например, из двух холмов на берегу моря один именовался могилой Ахилла, а другой – Патрокла. Но самое показательное то, что они хранили в храме примитивную статую Афины и утверждали, что это палладиум, который обеспечивает безопасность города: Одиссей и Диомед

¹⁰ *W. Leaf. Troy: A Study in Homeric Geography*. London, 1912; *Ernst Meyer. Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasien*. Zürich, 1925, 11; *J. Kaser. Geschichte des Hellenismus*. Bd I³. Berlin, 1927, 347–348; *Th. Lenschau. Alexander der Grosse und Chios* // *Klio* 15 (1940), 222; *Fr. Schachermeyer. Alexander der Grosse*. Wien, 1973, 164.

¹¹ Об этом см. также: *А. И. Зайцев. Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера // Гомер. Илиада* / Пер. Н. И. Гнедича. Изд. подгот. А. И. Зайцев, 411 (= *А. И. Зайцев. Избранные статьи*, 244).

похитили копию, а настоящий хранился в глубоком подземелье и уцелел. Налицо явное использование киклического эпоса, который воспринимался вместе с поэмами Гомера, для самовозвеличивания. Даже там, где илионцы выдвигали выгодную для них версию о континуитете их поселения по отношению к гомеровской Трое (доказывали, как все, свою древность), они делали это со ссылкой на гомеровские поэ-

мы, опровергая их (*Strab.* XIII, 1, 40–41= С 600–601).

Эти факты доказывают сознательную ориентацию илионцев на эпическую традицию, объясняют некоторые параллели позднейшей реальности с «Илиадой», снимают возражения против датировки этой поэмы VIII в. до н. э. и еще раз подчеркивают исключительную роль гомеровских поэм во всех сферах жизни греков.

Sprausdinama iš:

Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. III. Петербург. Bibliotheca Classica Petropolitana. Издательство «Алетейя». 2003.